

Н. Серебрянский

**Очерки по истории монастырской жизни в
Псковской земле**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
Н11

Н11 **Н. Серебрянский**
Очерки по истории монастырской жизни в Псковской земле / Н. Серебрянский – М.: Книга по Требованию, 2017. – 590 с.
ISBN 978-5-458-01740-4

ISBN 978-5-458-01740-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2017
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2017

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

нѣйшими, XVII, иногда XVIII в.,—особенно въ очеркахъ о монастырскомъ богослуженіи и о хозяйственномъ бытѣ псковскихъ монастырей. Этотъ формальный недочетъ обусловливается нѣкоторыми особенностями въ планѣ моей работы. Такъ какъ я ставилъ для себя цѣлю, чтобы каждый очеркъ въ моемъ изслѣдованіи представлялъ собою, по возможности, законченное цѣлое, то пользованіе позднѣйшими источниками являлось иногда прямо неизбѣжнымъ, иначе пришлось бы обрывать рѣчь на половинѣ.

Изслѣдованіе иноческаго устава преп. Евфросина правильнѣе было бы помѣстить во введеніи. Причиной нарушенія плана въ этомъ случаѣ были слѣдующія обстоятельства. По первоначальному плану предполагалось использовать уставъ преп. Евфросина лишь какъ историческій памятникъ, рассмотреть, что новаго вносилъ въ русскую монастырскую жизнь преподобный своими требованіями. Для выясненія этого я пытался изложить взгляды древне-русскихъ подвижниковъ и высшей власти на монашескую жизнь и тѣ порядки, которые они старались установить въ русскихъ монастыряхъ,—какъ объ этомъ можно судить по житіямъ святыхъ и по грамотамъ и посланіямъ въ монастыри высшей власти. Въ такомъ видѣ рѣчь объ уставѣ Евфросина во второмъ очеркѣ являлась вполне умѣстной. Но сдѣланныя въ этомъ направленіи наблюденія не удовлетворили меня, и, зачеркнувъ эту часть въ своей работѣ, я замѣнилъ ее изслѣдованіемъ литературной исторіи Евфросинова устава. Последнее было произведено уже послѣ напечатанія введенія и при томъ—въ два приема. Первоначально я изслѣдовалъ источники устава по печатнымъ изданіямъ, позднѣе, послѣ напечатанія второго очерка, я имѣлъ возможность произвести это сравненіе по рукописнымъ спискамъ и кое-что дополнить. Результаты этой второй работы помѣщены въ приложеніяхъ, при изданіи текста памятника. Въ общемъ они подтвердили всѣ сдѣланныя въ изслѣдованіи объ уставѣ выводы и, кажется, дали возможность обосновать кое-что и изъ того, что при изслѣдованіи пришлось высказать лишь предположительно.

Въ работѣ мѣстнаго изслѣдователя читатель естественно ожидаетъ встрѣтить широкое пользованіе памятниками мѣстныхъ, въ частности монастырскихъ книгохранилищъ. Насколько могъ, я старался удовлетворить этому требованію: знакомился съ монастырскими библіотеками и сохранившимися древностями приходскихъ церквей—прежнихъ монастырей. Но результаты этихъ изысканій

IV

получились въ общемъ незначительные. Новые документы, заимствованные изъ монастырскихъ библіотекъ, не очень цѣнны въ научномъ отношеніи. Монастырскіе списки памятниковъ по своему достоинству ниже списковъ этихъ же памятниковъ, хранящихся въ библіотекахъ столичныхъ, и моложе ихъ по времени написанія. Причины недостатка въ мѣстныхъ книгохранилищахъ матеріаловъ по древнѣйшей исторіи Пскова разъяснены мною въ особой статьѣ: «Къ вопросу объ изученіи псковскихъ древностей во второй половинѣ XIX в.» (Псковъ, 1902 г.).

Н. Серебрянскій.

Псковъ.
14 ноября 1908 г.

ВВЕДЕНИЕ.

Критико-библиографическій обзоръ научной литературы и источниковъ по исторіи Псковскаго монашества.

Въ каждомъ историческомъ изслѣдованіи для правильной его постановки, а равно и для оцѣнки его научнаго значенія, существенную важность имѣеть предварительное, по возможности объективное, выясненіе слѣдующихъ двухъ вопросовъ: 1) располагаетъ ли авторъ достаточнымъ историческимъ матеріаломъ по избранному имъ предмету и 2) насколько самый предметъ его работы изслѣдованъ въ предыдущей ученой литературѣ. Необходимость выясненія этихъ вопросовъ понятна сама собою. Если нѣтъ достаточнаго историческаго матеріала, то нѣтъ и условій, оправдывающихъ появленіе новой книги. Исторія, какъ и всякая наука, не можетъ существовать при однѣхъ гипотезахъ, не опирающихся на достаточное количество фактовъ. По каждому вопросу она требуетъ прежде всего фактовъ и больше всего такихъ, которые бы сами говорили за себя, были бы ясны для всѣхъ и каждого, не допускали бы неодинаковаго пониманія, разнорѣчивыхъ объясненій. Къ установленію такихъ новыхъ фактовъ долженъ стремиться каждый изслѣдователь, и наличность ихъ въ его трудѣ составляетъ наибольшую его научную цѣнность. Наоборотъ, если нѣтъ возможности и надежды дать что-либо новое для науки, то нѣтъ и основаній для появленія новаго историческаго труда. Какъ бы ни былъ интересенъ самъ по себѣ предметъ изслѣдованія, какъ бы ни были велики внѣшнія достоинства работы, какою бы логичностію ни отличались предположенія автора,—все это, при недостаткѣ строго фактическихъ выводовъ, не сдѣлаетъ новое изслѣдованіе цѣннымъ приобрѣтеніемъ для исторической науки. Въ работѣ же, имѣющей своимъ предметомъ вопросъ частный, мѣстный и потому не очень крупный и занимательный,—въ родѣ избраннаго нами,—удовлетвореніе указанному сейчасъ требованію новизны фактическихъ данныхъ является единственнымъ оправданіемъ ея появленія и вмѣстѣ съ тѣмъ единственною гарантіею, чтобы новая книга въ ряду другихъ историческихъ изслѣдованій не представила собою ненужнаго ученаго балласта и чтобы не испытала обидной для ея автора будущности—забвенія или даже невниманія.

Возможность новых данных в работѣ обусловливается многими обстоятельствами. Иногда она зависитъ отъ случайныхъ благоприятныхъ для автора обстоятельствъ, часто отъ личныхъ качествъ изслѣдователя, но больше всего отъ того, въ какой степени разработанъ въ наукѣ предметъ новаго изслѣдованія. Само собою понятно, что если избранный авторомъ предметъ изслѣдованія достаточно уже разработанъ, если не только приведенъ въ извѣстность, но и критически изслѣдованъ и использованъ относящійся къ темѣ историческій матеріалъ, то новая попытка обзорѣнія стараго вопроса неизбежно сведется или къ систематизаціи сказаннаго раньше и подновленію забытаго, или даже просто къ повторенію стараго, общеизвѣстнаго. Для оцѣнки новаго труда единственнымъ критеріемъ будутъ служить опять его внѣшнія, формальныя достоинства, тогда какъ главный смыслъ работы—цѣнность ея фактическихъ выводовъ. *Mater studiorum repetitia* ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа и *mater litterarum*; и вопреки пословицѣ: ново то, что давно позабыто,—забытое въ наукѣ, конечно, не новое. Но не все и новое бываетъ цѣнно для науки, и не всякое новое объясненіе историческихъ фактовъ представляетъ собою шагъ впередъ. Нерѣдко устанавливаются новые факты, не имѣющіе въ сущности никакой цѣнности для науки; еще чаще высказываются новыя гипотезы для объясненія стараго, убѣдительность которыхъ очевидна только для самихъ авторовъ ихъ. Въ работѣ, посвященной исторіи мѣстной старины, подобныя недоразумѣнія и преувеличенія въ особенности возможны,—почти неизбежны, такъ какъ авторъ, увлеченный своимъ предметомъ, при субъективной мѣркѣ, легко можетъ признать существенно важнымъ и новымъ то, что читателю его книги, оцѣнивающему ее съ болѣе широкой научной точки зрѣнія, вовсе не покажется такимъ. Опасаясь подобнаго недоразумѣнія и вмѣстѣ съ тѣмъ желая точнѣе выяснить смыслъ появленія нашего труда, мы и считаемъ нужнымъ прежде всего дать полную и по возможности объективную оцѣнку того, что сдѣлано было въ предшествующихъ изслѣдованіяхъ по исторіи псковскаго монашества и что можно было бы сдѣлать на основаніи имѣющагося историческаго матеріала.

Исторія псковскаго монашества въ исторической наукѣ не представляетъ собою отдѣла, совершенно не разработаннаго, въ которомъ все нужно начинать сначала. Напротивъ, по количеству имѣющихся историческихъ сочиненій о псковскомъ монашествѣ можно заключить, что въ этомъ отдѣлѣ сдѣлано уже многое, и что задача новаго изслѣдованія значительно упрощается. Прежде всего, имѣется цѣлый рядъ историческихъ сочиненій, посвященныхъ общимъ историческимъ судьбамъ Пскова и принадлежащихъ такимъ замѣчательнымъ ученымъ, какъ м. Евгеній Болховитиновъ, профессора: Костомаровъ, Бѣляевъ, Никитскій и др. Въ эти работы должна, конечно, была входить, какъ часть одного цѣлаго, и исторія псковскаго монашества. Значить, на долю спеціальнаго историка о монашествѣ остается лишь выдѣлить его исторію въ самостоятельное

цѣлое. Но и это уже сдѣлано—частію митрополитомъ Евгеніемъ, въ его Исторіи княжества псковскаго и въ отдѣльныхъ описаніяхъ псковскихъ монастырей, частію другими изслѣдователями, которые своими описаніями пополняли описанія Евгенія. Таковы: арх. Аполлосъ, іер. Іосифъ, Василевъ, Пановъ, Миротворцевъ. Болѣе того, имѣются ученые работы, посвященные отдѣльнымъ личностямъ изъ псковскаго монашества, наприм., проф. В. О. Ключевскаго, Е. Е. Голубинскаго—объ Евфросинѣ, В. Н. Малинина—объ елсазар. старцѣ Филоеѣ. Исторія псковскаго монашества включена и въ общую исторію монашества русскаго въ трудахъ арх. Амвросія Орнатскаго, Филарета Черниговскаго, м. Макарія.

Затѣмъ, уже то обстоятельство, что существуютъ отдѣльныя описанія монастырей псковскихъ, иногда по объему представляющія собою книжки довольно обширныя, и что жизнь и литературная дѣятельность одного псковскаго монаха (Филоея) дала матеріалъ для обширнаго (болѣе, чѣмъ въ 700 стр.) спеціальнаго изслѣдованія, доставившаго автору ученую степень доктора русской словесности,—все это даетъ право предположить, что и со стороны историческихъ матеріаловъ дѣло обстоитъ вполне благополучно; они могутъ удовлетворить собою не одного изслѣдователя, а очень многихъ, какія бы цѣли ни ставили послѣдніе... И дѣйствительно, стоитъ сдѣлать бѣглый перечень историческихъ источниковъ о псковскомъ монашествѣ, чтобы понятно было, какимъ достаточнымъ и разнообразнымъ матеріаломъ можетъ располагать изслѣдователь. Кромѣ общихъ источниковъ, какими являются двѣ псковскихъ лѣтописи и отчасти псковская Судная Грамота, въ распоряженіи изслѣдователя могутъ быть: повѣсти: а) объ основаніи монастырей и б) о явленіи иконъ въ связи съ исторіей основанія монастыря, житія подвижниковъ, иноческій и богослужебный уставы, кормовая книга, синодики, посланія въ монастыри высшей власти, посланія самихъ псковскихъ монаховъ, духовное завѣщаніе и, наконецъ, цѣлый рядъ изданныхъ и рукописныхъ актовъ преимущественно о хозяйственномъ бытѣ мѣстныхъ монастырей. Понятно, что при такихъ разнообразныхъ источникахъ исторія псковскаго монашества можетъ быть рассмотрѣна довольно разносторонне. Научная цѣнность перечисленныхъ источниковъ увеличивается еще и потому, что нѣкоторые изъ нихъ,—напр., повѣсти и житія святыхъ,—сохранились въ нѣсколькихъ редакціяхъ (двухъ-трехъ) или въ спискахъ, хотя и не представляющихъ собою отдѣльныхъ редакцій, но зато дополняющихъ и разъясняющихъ другъ друга. Все это даетъ возможность изслѣдователю сличать извѣстія однородныхъ памятниковъ, провѣрять ихъ показанія въ тѣхъ случаяхъ, когда они разнятся между собою или съ показаніями другихъ источниковъ о тѣхъ же самыхъ фактахъ, нерѣдко—установить первоисточникъ того или иного сообщенія, словомъ, произвести критическій обзоръ историческаго содержанія памятниковъ на болѣе или менѣе строго фактическихъ основахъ. Одновременно съ этимъ разнообразіемъ рукописныхъ списковъ дѣлаетъ возможнымъ и болѣе точное изслѣдованіе литературной исторіи мѣстныхъ памятниковъ. Послѣднее же, имѣя значеніе для цѣлей

научнаго изложенія исторіи мѣстнаго монашества, имѣеть интересъ и научное значеніе и само по себѣ, помимо этихъ практическихъ цѣлей.

При настоящихъ условіяхъ научной работы, когда большинство рукописныхъ библіотекъ имѣеть или описанія рукописей, или рукописные каталоги, псковская письменность частію уже приведена въ извѣстность и во всякомъ случаѣ даже и въ рукописномъ своемъ видѣ доступна для изслѣдователя. Въ значительной степени облегчено, затѣмъ, и самое пользование тѣми или другими рукописными списками, благодаря печатнымъ изданіямъ нѣкоторыхъ памятниковъ, а также научнымъ изслѣдованіямъ ихъ по рукописнымъ спискамъ. Словомъ, псковская письменность въ настоящее время не представляетъ собою не только *terra incognita*, но даже и *terra inculta*; надѣяться здѣсь на какія-либо открытія можно лишь при условіи исключительно благоприятныхъ случайныхъ обстоятельствъ.

Изданіе памятниковъ мѣстной монастырской исторіи началось еще во второй половинѣ XVIII стол.,—другими словами: оно даже предшествовало изученію исторіи монастырской жизни,—и продолжается по настоящее время. Не все, конечно, изъ печатно-изданнаго, особенно въ старое время, является достаточно цѣннымъ и сдѣланнымъ безошибочно. Ниже увидимъ, что печатныя изданія во многомъ неудовлетворительны и очень часто не могутъ замѣнить собою рукописныхъ списковъ памятниковъ. Но и самыя ошибки издателей, нерѣдко допущенныя намѣренно, подъ вліяніемъ своеобразнаго взгляда на значеніе оригинала памятника, имѣють свое значеніе для критическаго изученія рукописныхъ текстовъ. Эти преднамѣренныя ошибки иногда представляютъ собою не что иное, какъ скрытую критику памятниковъ, и такимъ образомъ могутъ навести позднѣйшаго изслѣдователя на рядъ размышленій и сомнѣній, не бесполезныхъ по конечнымъ своимъ результатамъ.

Давно уже началось и изученіе мѣстныхъ памятниковъ по ихъ рукописнымъ спискамъ и точно также продолжается и въ настоящее время, все болѣе и болѣе специализуясь. Объ одномъ памятникѣ псковской письменности: о житіи преподобнаго Евфросина, можно, по крайней мѣрѣ, сказать, что критическое изученіе этого памятника началось почти одновременно съ его написаніемъ. Въ XVII в. оно приняло даже обязательный характеръ, и съ этого времени количество изслѣдованій житія постепенно все болѣе и болѣе возрастало. Строго-научное изученіе житія началось, правда, много позднѣе: только со второй половины XIX ст., но продолжается и доселѣ. Если принять во вниманіе сравнительно большое количество изслѣдованій о житіи Евфросина и разнообразіе въ выводахъ, касающихся литературной его исторіи, то слѣдуетъ признать, что этотъ памятникъ въ одно и то же время и интересный, и трудный для изученія. Новая попытка разъяснить спорные вопросы въ литературной исторіи памятника можетъ рассчитывать на интересъ къ ней со стороны ученыхъ, но ни въ какомъ случаѣ не должна ставить цѣли окончательнаго разрѣшенія всѣхъ спорныхъ вопросовъ.

Иначе обстоит дѣло по отношенію къ другимъ памятникамъ мѣстной письменности, ваковы, напр., житія преп. Саввы, Нивандра, Серапіона, повѣсти о началѣ монастырей Печерскаго и Святогорскаго, иноческій и богослужебный уставы Елеазаровскаго монастыря, посланіе инока Корнилія свѣтогорскаго, монастырскіе синодики большинства монастырей и т. п. Часть этихъ памятниковъ извѣстна только по названію изъ рукописныхъ указателей, другая часть изслѣдована не полно и даже мало. О житіяхъ Саввы и Нивандра, о печерской повѣсти научная литература ограничивается небольшими замѣтками—характеристиками этихъ памятниковъ въ изслѣдованіи проф. Ключевскаго: „Древнерусскія житія святыхъ“. Краткія замѣтки въ сочиненіяхъ митр. Евгенія, арх. Филарета, м. Макарія настолько малоцѣнны, по сравненію съ замѣтками Ключевскаго, что о нихъ совсѣмъ можно не говорить. Объ иноческомъ елеазар. уставѣ небольшую характеристику находимъ лишь въ „Исторіи русской церкви“ м. Макарія; всѣ другія упоминанія о памятникѣ носятъ характеръ случайныхъ библиографическихъ замѣтокъ. Такимъ образомъ, специальныхъ изслѣдованій по литературной исторіи памятниковъ псковской монастырской письменности пока нѣтъ. Въ цитированномъ сочиненіи проф. Ключевскаго обзоръ печерской повѣсти и житія Саввы посвящено не болѣе четырехъ страницъ, житію Нивандра только одна¹⁾. Въ VII т. „Исторіи русской церкви“ митр. Макарія рѣчь объ елеазар. уставѣ помѣщена менѣе чѣмъ на трехъ страницахъ (2 изд., стр. 59—61), почти полностью занятыхъ изложеніемъ содержанія этого памятника. Едва-ли нужно разъяснять очевидную мысль о невозможности представить обстоятельное разсмотрѣніе литературной исторіи памятника на одной—двухъ страницахъ. Понятно отсюда, что не только по отношенію къ той части мѣстной монастырской письменности, которую мы назвали извѣстною лишь по заглавіямъ, но и по отношенію къ другой, извѣстной и по своему содержанію, новое изслѣдованіе не только не излишне, но и прямо необходимо съ точки зрѣнія интересовъ науки о древне-русской письменности.

Полезность новаго изслѣдованія мѣстныхъ памятниковъ станетъ еще болѣе понятною, если обратить вниманіе на то, что различныя редакціи второй группы памятниковъ не всѣ еще подвергнуты научной, хотя бы краткой, оцѣнкѣ, а нѣкоторыя извѣстны только по рукописнымъ указателямъ, краткимъ и не всегда точнымъ. Изслѣдователь исторіи мѣстной монастырской жизни не только имѣетъ право съ большею подробностію, чѣмъ это требуется для спеціальной его цѣли, остановиться на разсмотрѣніи литературной исторіи мѣстныхъ памятниковъ, но онъ и обязанъ это сдѣлать, и этой части своего труда можетъ придавать существенно-важное значеніе. Принимая во вниманіе сдѣланное раньше и пользуясь новыми данными, онъ долженъ не только произвести оцѣнку историческаго достоинства памятниковъ монастырской письменности, но и представить

¹⁾ стр. 249—50, 315—16, 251—2, 258—9, 331—2.

исторію послѣдней, поскольку она возможна вообще для древне-русской областной письменности.

Другой вопросъ, насколько использованы въ исторической литературѣ о псковскомъ монашествѣ имѣющіеся письменные памятники, нужно-ли новое изслѣдованіе о мѣстной монастырской жизни и какой характеръ оно должно принять, чтобы не явилось лишь повтореніемъ извѣстнаго, ранѣе сказаннаго. Положительнымъ отвѣтомъ на вторую часть указаннаго вопроса служить самое появленіе нашей книги. Но желая и здѣсь быть по возможности объективнымъ, авторъ предпочитаетъ предложить вниманію читателя критическій обзоръ научной литературы о псковскомъ монашествѣ и самому читателю предоставляетъ сдѣлать выводъ, правильно ли авторъ понялъ задачу своей работы.

Едва-ли нужно подробно доказывать, что въ общихъ изслѣдованіяхъ по исторіи Пскова исторія монашества является недостаточно разъясненною. Изслѣдователей мѣстная политическая и церковная жизнь интересовала главнымъ образомъ со стороны тѣхъ ея особенностей, которыя объясняются мѣстными условіями этой жизни, и благодаря которымъ псковская исторія можетъ дополнять собою исторію обще-русскую. Это особенно нужно сказать о сочиненіяхъ Никитскаго: „Очеркъ внутренней исторіи Пскова“, Спб. 1873 г., и Костомарова: „Сѣверно-русскія народоправства“, Спб. 1868 г., т. II. Такихъ особенностей меньше всего можно встрѣтить въ исторіи монастырской жизни, такъ какъ монашество по существу своему представляетъ наиболѣе консервативный институтъ, на который не только условія мѣстности, но и условія времени мало вліяютъ; измѣняются внѣшнія формы, но сущность дѣла остается та же. Количество страницъ, посвященныхъ въ упомянутыхъ изслѣдованіяхъ псковской монастырской жизни, подтверждаетъ высказанное предположеніе (у Никитскаго не болѣе 10 стр., у Костомарова 13 стр.). Очевидно оба изслѣдователя не нашли въ исторіи псковскаго монашества того, что для нихъ было нужно. Но что они искали этого, доказательствомъ могутъ служить хотя бы тѣ страницы въ сочиненіи Никитскаго, гдѣ онъ пытается опредѣлить внутренній строй мѣстной монастырской жизни по памятникамъ Свѣтогорскаго монастыря (стр. 233—5). Сдѣлавъ на основаніи свѣтогорской исторіи общій выводъ, что въ Псковѣ общежитіе не получило для себя полнаго развитія, было въ зачаточной формѣ, Никитскій въ другихъ случаяхъ, касаясь мѣстной монастырской жизни, почти не пользуется мѣстными монастырскими памятниками; свои замѣтки онъ основываетъ на указаніяхъ общихъ извѣстій о монашествѣ въ древней Руси и въ Византіи, примѣняетъ сказанное тамъ къ исторіи мѣстнаго монашества.

У Костомарова фактическая сторона свѣдѣній о псковскомъ монашествѣ поставлена лучше, чѣмъ у Никитскаго. Онъ упоминаетъ о большинствѣ псковскихъ монастырей, а о нѣкоторыхъ: Елеазаровскомъ, Крыпецкомъ, Печерскомъ, дѣлаетъ даже болѣе или менѣе обстоятельныя замѣчанія (стр. 369—378). Но отвѣта на болѣе важный вопросъ: отличалась ли чѣмъ-нибудь псковская монастырская жизнь отъ новгородской, у него

нѣтъ, хотя этого отвѣта въ правѣ бы ожидать читатель, такъ какъ изслѣдованіе Костомарова своею цѣлю ставитъ не столько полный обзоръ исторіи сѣверно-русскаго народоправства, сколько выясненіе особенностей этого порядка въ Новгородѣ, Псковѣ и Вяткѣ. О внутреннемъ устройствѣ псковскихъ монастырей Костомаровъ ничего не говоритъ, если не считать краткой передачи содержанія уставной грамоты Свѣтогорскому монастырю арх. Діонисія, на стр. 381—382.

Болѣе разнообразныя извѣстія о псковскомъ монашествѣ находимъ въ III т. „Разсказовъ изъ русской исторіи“ Бѣляева. Авторъ дѣлаетъ замѣчанія о распредѣленіи псковскихъ монастырей, вмѣстѣ съ приходскими церквами, по соборамъ (стр. 93), о вотчинномъ владѣніи монастырей (стр. 92), объ участіи въ дѣлахъ монастырскаго хозяйства и внутренняго управленія выборныхъ мірскихъ старостъ (77—78, 92) и т. п.; даетъ и характеристику безпорядковъ въ монастырской жизни (78—79). Но и эти свѣдѣнія нельзя признать очень цѣнными, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ они не представляются даже и безошибочными. Причиною этого является отчасти самая цѣль, которую преслѣдовалъ авторъ въ своихъ „Разсказахъ“. Онъ имѣлъ въ виду дать популярно-научное изложеніе исторіи псковской жизни, а не специальное, подробное ея изслѣдованіе. Отсюда, отмѣчая ту или другую особенность въ мѣстной монастырской жизни, онъ не всегда входитъ въ подробности ея разъясненія. Такъ, напр., характеристика безпорядковъ въ монастырской жизни представляетъ собою просто перифразъ нѣкоторыхъ мѣстъ изъ посланій въ Свѣтогорскій монастырь архіепископа новгородскаго Симеона и митр. Фотія. Дѣлая подобный перифразъ, Бѣляевъ не всегда строго придерживается извѣстій этихъ памятниковъ, преувеличиваетъ ихъ показанія. Такъ, напр., преувеличенными и не совсѣмъ точными являются его утвержденія, что „при монастыряхъ (псковскихъ) было по два выборныхъ старосты отъ мѣстнаго общества“ (стр. 92), что эти старосты завѣдывали и распоряжались монастырскимъ имуществомъ „безъ всякаго отношенія къ игуменамъ и священникамъ“ (77), что въ псковскихъ монастыряхъ встрѣчались „іеромонахи, которые смѣялись надъ священничествомъ и никогда не причащались св. таинъ“ (78). Изъ сказаннаго можно сдѣлать слѣдующій выводъ: въ общихъ изслѣдованіяхъ по исторіи Пскова отдѣлъ исторіи монастырской жизни изложенъ не полно, а въ частностяхъ даже и не всегда точно. Отвѣта на самый интересный вопросъ: имѣли ли какое-нибудь вліяніе на строй монастырской жизни особенности въ общемъ строѣ политической и церковной жизни въ Псковѣ и какое именно,—не дано упомянутыми изслѣдователями.

Исторія псковскаго монашества излагается и въ общихъ сочиненіяхъ по исторіи русской церкви: митр. Макарія, арх. Филарета, еп. Амвросія Орнатскаго, а также въ сочиненіяхъ, специально посвященныхъ историческимъ судьбамъ псковской церкви (напр., III-й т. Исторіи княжества псковскаго, митр. Евгенія). Сочиненія первой группы вызываютъ къ себѣ большой интересъ у знакомящагося съ исторіею псковскаго монашества. Мѣстная монастырская жизнь въ нихъ разсматривается въ связи съ общео

исторією монаст. жизни въ древней Руси. Естественно ожидать, что при такомъ способѣ изложенія будутъ установлены и отчасти объяснены мѣстныя особенности монастырской жизни. Но и эти ожиданія остаются тщетными. Въ обстоятельномъ изслѣдованіи Ист. рус. ц. митр. Маварія на долю исторіи псковскаго монашества отведено значительное мѣсто, но никакихъ замѣчаній о ея отличительныхъ чертахъ нѣтъ. Заинтересованный читатель, естественно, приходитъ къ печальному для него выводу, что никакихъ особенностей въ строѣ псковской монастырской жизни, очевидно, и не было, и что исторія псковскаго монашества входитъ въ общую исторію русскаго монашества просто для вѣшной полноты изложенія послѣдней.

Трудъ еп. Амвросія: „Исторія рос. іерархіи“ появился въ то время, когда въ исторической наукѣ не преслѣдовалось цѣлей всесторонняго разъясненія тѣхъ или другихъ историческихъ явленій, а исключительно болѣе или менѣе подробный сводъ имѣющихся историческихъ извѣстій. Его и оцѣнивать можно, значить, лишь съ послѣдней точки зрѣнія. Въ отношеніи къ полнотѣ извѣстій о псковскомъ монашествѣ это сочиненіе можно признать трудомъ почтеннымъ. Въ немъ мы находимъ упоминанія и извѣстія не только о большихъ псковскихъ монастыряхъ, но и о монастыряхъ незначительныхъ, давно уже прекратившихъ свое существованіе. Больше всего мѣста отведено Печерскому монастырю (стр. 543—550, ч. V, 1813 г.) и Никандровой пустыни (ib., стр. 181—186).

По мнѣнію г. Полетаева, историческія свѣдѣнія о псковскихъ монастыряхъ въ „И. Р. I.“ не утратили своего значенія и послѣ появленія болѣе обстоятельнаго изслѣдованія: „Ист. вн. пск.“ митр. Евгенія. „Пользуясь трудомъ митр. Евгенія, церковному историку необходимо,—замѣчаетъ Полетаевъ,—пользоваться и „Ист. Р. I.“¹⁾ По нашему мнѣнію, въ настоящее время „И. Р. I.“ для изслѣдователя псков. мон. жизни совершенно бесполезна. Пользоваться ею нужно съ такою осторожностію, что выгоднѣе совсѣмъ не пользоваться. Для любителя полноты подстрочной цитации эта книга, м. б., и полезна, но для изслѣдователя, не желающаго прикрываться непровѣренными авторитетами старины, обязательно лишь знакомство съ этимъ сочиненіемъ, а не пользованіе имъ. Не говоря уже о краткости свѣдѣній, здѣсь нерѣдко встрѣчаются неточности и грубыя ошибки. Вотъ нѣсколько примѣровъ. Авторъ допускаетъ существованіе двухъ монастырей: Спасо-Мирожскаго и Спасскаго-Завеличскаго, основаніе обоихъ приписываетъ еп. новгородскому Нифонту и устройство перваго относитъ къ 1156 г. (ч. V, стр. 69), а втораго къ 1154 г. (ч. IV, стр. 123). Эту ошибку, повторенную и митр. Маваріемъ (Ист. рус. ц., т. III, Спб. 88 г., стр. 77), впервые, вѣжется, отмѣтилъ проф. Голубинскій (Ист. рус. ц., т. I, п. II, стр. 634). Для второй хронологической даты, а равно и для предположенія существованія Спасскаго-Завеличскаго монастыря нѣтъ никакихъ данныхъ.

¹⁾ „Труды митр. кievск. Евгенія Болховитинова по ист. р. церкви“, Казань, 1888 г., стр. 150.